

Имитации в высшем образовании как социальная проблема

Обзорная научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106

Амбарова Полина Анатольевна – д-р социол. наук, проф., borges75@mail.ru

Зборовский Гарольд Ефимович – д-р филос. наук, профессор-исследователь, garoldzborovsky@gmail.com

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

***Аннотация.** В обзорной статье даётся обобщение результатов зарубежных и отечественных исследований места и роли имитаций в современном высшем образовании, а также осмысления их причин и последствий. Первый раздел посвящён результатам анализа имитаций в сфере университетского менеджмента, вызванных бюрократизацией системы управления высшим образованием и критическими разрывами между его стратегическими задачами и ресурсными дефицитами. Во втором разделе рассматриваются исследования стратегий научно-педагогического сообщества, имеющих вынужденный имитационный характер. Третий раздел содержит обобщение опыта изучения имитационных практик студентов в широком спектре – от академического мошенничества до потребления образовательных символов. Сквозными линиями анализа результатов исследований проблемы выступают имитации в образовательной и научной деятельности вузов, а также в «зонах» взаимодействий образовательных общностей, в которых они носят взаимно обусловленный характер.*

***Ключевые слова:** социология высшего образования, имитации в высшем образовании, имитационные стратегии поведения и деятельности, академические симулякры, академическое мошенничество, бюрократизация, образовательные общности, взаимодействие образовательных общностей, университетское управление*

***Для цитирования:** Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Имитации в высшем образовании как социальная проблема // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 5. С. 88-106. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106*

Imitations in Higher Education as a Social Problem

Review article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106

Polina A. Ambarova – Dr. Sci. (Sociology), Prof., borges75@mail.ru

Garold E. Zborovsky – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., garoldzborovsky@gmail.com

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Address: 19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

Abstract. The review article summarizes the results of foreign and Russian studies of imitations in higher education and the understanding of their causes and consequences. The first section is devoted to the results of the analysis of university management imitations caused by the bureaucratization of the higher education management system and critical gaps between its strategic objectives and resource deficits. The second section examines the research strategies of the scientific and pedagogical community, which have a forced imitation character. The third section deals with the generalization of the experience of studying students' imitation practices in a wide range – from academic fraud to the consumption of educational symbols. The end-to-end lines of analysis of the research results of the problem are imitations in the educational and scientific activities of universities, as well as in the “zones” of interaction of educational communities, in which they are mutually conditioned.

Keywords: sociology of higher education, imitations in higher education, imitation strategies of behavior and activity, academic simulacra, academic fraud, bureaucratization, educational communities, interaction of educational communities, university management

Cite as: Ambarova, P.A., Zborovsky, G.E. (2021). Imitations in Higher Education as a Social Problem. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 5, pp. 88-106, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В научно-педагогическом дискурсе в последние годы всё чаще стало встречаться слово «имитация» [1; 2], а медийное пространство в ещё большей степени, чем научное, наполнилось тематикой, посвящённой имитациям в отечественной высшей школе. Интернет буквально переполнен информацией о том, какие услуги могут быть оказаны желающим обмануть вузы и преподавателей за счёт предлагаемых многочисленных «демонстраций» образовательной и научной активности. Актуальность проблемы определяется тем, что она имеет массовый характер и превращается в одну из угроз для современного высшего образования и общества в целом. Академическое мошенничество, симулякры образовательной и научной деятельности – эти и иные проявления имитационных стратегий становятся нормами повседневной жизнедеятельности вузовских образовательных общностей. Возникая и укореняясь в академических практиках, они вместе с выпускниками вузов «мигрируют» в экономическую, политическую, социальную и культурную сферы общественной жизни, реализуя в них свой деструктивный потенциал.

Современные исследования имитаций в высшей школе были подготовлены традицией классического структурализма, в рамках которого различные отклонения от нормы и патологии трактовались как «аномия» (начиная с Э. Дюркгейма). Справедливости ради надо отметить, что ещё К. Маркс обратил внимание на сложность проблемы, введя понятие «превращённая форма». Идея Маркса нашла отражение в изучении образователь-

тационных стратегий становятся нормами повседневной жизнедеятельности вузовских образовательных общностей. Возникая и укореняясь в академических практиках, они вместе с выпускниками вузов «мигрируют» в экономическую, политическую, социальную и культурную сферы общественной жизни, реализуя в них свой деструктивный потенциал.

ной реальности в современной России¹. Фундаментальный вклад в развитие проблемы имитации, во многом предвосхитивший её дальнейшее исследование, внесли работы Ж. Бодрийяра². В последнее время они были актуализированы разработками ряда авторов, обсуждающих тематику в терминах «институциональных ловушек»³, «красных лент»⁴, инверсий⁵, гибридизации⁶.

Существуют различные точки зрения на трактовку понятия «имитация». Одни авторы определяют его как «систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декорацией и декларацией» [3, с. 21–22]. Для других – это феномен мышления и поведения, выступающий и как отражённый в сознании, «навязанный» конструкт социальной реальности, и как совокупность социальных технологий «внушающего воздействия» и «эмоционального заражения», манипулятивных практик, призванных сформировать видимость и кажущуюся подлинность [4, с. 33–34]. Третьи предлагают психологический и социально-педагогический подход: «В психологии имитация характеризуется как ситуативное, чаще всего преднамерен-

ное действие по моделированию поведения или образа других. ... Применительно к социально-педагогической действительности имитация образовательной и научной активности выступает как способ “казаться” образованным, таковым не будучи, как вариант социальной мимикрии. Социальная мимикрия – поведение индивида или группы, основанное на имитации внешних признаков той или иной ценимой обществом социальной группы и желании выиграть в глазах общественного мнения, не меняя своего содержания» [1, с. 2].

Можно упомянуть и иные позиции, но для «Введения» сказанного достаточно. Приведём самый общий авторский взгляд. Под имитациями в высшем образовании мы понимаем действия социальных акторов, в результате которых реальные смыслы и значения образовательных, научных, управленческих процессов и взаимодействий подменяются, замещаются и искажаются их формальным воспроизведением.

С одной стороны, симулякры в вузах выступают как следствие социальных изменений, происходящих в обществе постмодерна, «текучей» современности (З. Бауман). С другой стороны, определённая их часть есть порождение специфических трансформаций и деструкций самой высшей школы. Имитационность стала характеристикой многих институциональных процессов в высшем образовании, проникла на уровень организационных практик, проявилась в стратегиях поведения и деятельности университетского менеджмента, научно-педагогического сообщества, студенчества. Одним словом, она превратилась в своего рода «норму», в один из принципов «нормального» социального взаимодействия в высшей школе.

Озабоченность научно-педагогического сообщества и общественности по поводу данного явления нашла своё отражение в ряде теоретических и эмпирических исследований. Однако в научной литературе отсутствуют обобщающие работы, посвящённые имитациям в высшем образовании как

¹ См.: *Тхагансоев Х.Г., Сапунов М.Б.* Российская образовательная реальность и её превращённые формы // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 87–97.

² *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.

³ *Балацкий Е.В.* Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Экономика образования. 2007. № 3. С. 79–89.

⁴ *Трубникова Е.И.* «Красные ленты» в сфере науки и образования // Высшее образование в России. 2018. № 1. С. 108–121.

⁵ *Севостьянов Д.А., Гайнанова А.Р.* Ценности образования: инверсия смыслов // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 43–48.

⁶ *Сенашенко В.С., Макарова А.А.* Образовательные гибриды в высшем образовании России // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8-9. С. 24–42.

острой не только академической, но и социальной проблеме. Исходя из этого, авторы статьи считают необходимым предложить систематизацию исследований опыта применения имитационных стратегий, тактик и практик в высшем образовании для выработки возможных способов отношения к ним, осмысления их причин и последствий в социальном контексте. Итак, содержание статьи составляет обзор теоретических подходов, результатов эмпирического изучения, перспектив научного исследования имитаций в высшем образовании. Проблематика выстраивается вокруг анализа имитационного поведения и взаимодействия трёх вузовских общностей: университетского менеджмента, научно-педагогического и студенческого сообществ. В статье рассматриваются формы, особенности проявлений, причины и следствия симулякров, порождаемых каждой из названных вузовских общностей во взаимодействии друг с другом. Вклад авторов статьи в обзор исследований по заявленной теме заключается в попытке осмыслить имитации в высшей школе не только как образовательный и научный феномен, но и как социальную проблему, последствия которой опасны для общества.

Имитации в университетском менеджменте

Имитационность практик современного университетского менеджмента – одна из наименее разработанных тем в современных исследованиях высшего образования. Знакомство с публикациями по результатам исследований показывает, что российские учёные уделяют этой проблематике гораздо больше внимания, чем зарубежные. В то же время аспекты, выделяемые ими, и их трактовки во многом совпадают с идеями зарубежных коллег.

Одной из таких общих тем выступает *псевдорационализация университетского управления, связанная с его сверхбюрократизацией*. Исследования, проведённые учёными ряда российских университетов,

показали, что функционирование системы высшего образования сегодня всё больше обнаруживает формальную рациональность, ориентированную не на смыслы, а на их имитацию [5; 6]. Вследствие этого возникают управленческие симулякры, которые вместо реальных ценностей и смыслов высшего образования лишь демонстрируют операции и процедуры: «Бюрократия постоянно воспроизводит в специфической образовательной среде характерные черты бюрократического мировосприятия, которые с трудом совмещаются с целями и традициями образовательной деятельности» [3, с. 23]. Источником формальной рационализации, по мнению исследователей, выступает университетская корпоративная бюрократия, которая неоправданно растёт количественно и одновременно расширяет своё влияние на образовательный процесс, подвергая его чрезмерной стандартизации и регламентации. Сверхбюрократизация высшего образования в этом случае может быть проинтерпретирована с позиций теории «красной ленты» как бюрократическая патология и элемент организационной девиации [7].

Отсутствие разумных целей у сверхбюрократизированной университетской администрации служит маркером её имитационности и нелегитимности. «Стремление к сокращению расходов и усиление бюрократизации не служат никакой другой цели, кроме увеличения власти администрации университетов», – к такому выводу пришли Д. Джемильяк и Д. Гринвуд, которые аргументировали его наличием в управлении современным высшим учебным заведением многих признаков псевдоструктур и псевдопроцессов [8, р. 72]. Среди них – включённость университетов в псевдосвободную рыночную конкуренцию, подчинённость их деятельности псевдорыночной «мечте», псевдокорпоративные установки, псевдотейлоризм, нацеленный на разделение академического труда, и др. Авторы данного исследования отмечают: «Деканы и президенты/ректоры/канцлеры весьма охотно

внедряют псевдоэкономические структуры и применяют методы и подходы, когда-то использовавшиеся в деловом мире, даже если многие из этих предполагаемых методов оказались устаревшими и контрпродуктивными» [8, p. 74–75].

Гигантское количество нормативных документов, приказов, циркуляров, инструкций, отчётов, ставших неотъемлемой чертой образовательного менеджмента на всех его уровнях, имитирует его активность и заботу о качестве высшего образования, правах студентов, благополучии профессорско-преподавательского состава, репутации вузов. Такая интерпретация псевдорационализации и сверхбюрократизации управления высшим образованием присутствует в исследованиях ряда российских учёных – А.Ф. Красинской [6], В.В. Вольчика [9]. По их мнению, в современных вузах происходит имитация основных управленческих функций. Учёт и контроль направлены теперь не столько на деятельность студентов и преподавателей, сколько на количество и качество отчетности о ней. Происходит подмена объекта и предмета управления в университете. Основным объектом внимания всё чаще становятся документы, а не действительные образовательные и научно-исследовательские процессы.

Имитационность проявляется в повседневных практиках университетского управления. К такому заключению пришёл филиппинский политолог А. Контрерас [10]. Исследовав конкуренцию за власть в двух местных университетах, он распространил свои выводы на высшее образование и в других странах. Повседневная управленческая политика в современных университетах, по его мнению, направлена на выстраивание и поддержание «архитектуры власти», на участие в ней и конкуренцию за неё. Это происходит в силу того обстоятельства, что университеты перестали быть пространством, в котором производится знание. Знание в эпоху «позднего капитализма» превратилось в «побочный эффект в политической

экономии символов, нарративов, образов и товаров», которая характеризует университеты [10, p. 170].

Как зарубежные, так и российские исследователи интерпретируют трансформации университетского стратегического управления как «подделку» бизнес-процессов. Польская исследовательница Х. Холл на основе 16 глубинных интервью с представителями администрации университетов раскрывает проблемы маркетизации высшего образования, уподобления вузов бизнес-структурам. По её мнению, попытка университетов воспроизвести клиентские отношения между ними и студентами, а также превратить образование в услугу, внедрить в университетский дискурс рыночную терминологию, несмотря ни на какие усилия, всё равно остаётся лукавством, хотя бы потому, что не приводит к улучшению образовательных результатов студентов. Университетское образование, теряя свою сущность, превращается таким образом в имитацию бизнеса [11].

По своей риторике данное исследование очень близко к работам некоторых российских авторов. Социологическое исследование Я. Серкиной и А. Логиновой также показало, что глобальные изменения в системе управления вузами, приводящие к массовизации, прагматизации, стандартизации и маркетизации высшего образования, во многом воспроизводят патологические процессы, характерные для квазикорпораций [12]. По мнению российских исследователей, чрезмерное расширение сферы административной практики в высшей школе приводит к снижению интереса к работе и, как следствие, к её имитации за счёт снижения реальной активности.

В контексте той же проблематики итальянскими исследователями было инициировано изучение «суррогатного» предпринимательства в современных университетах. На основе трёх тематических исследований вузов в Турине, Флоренции и Кальяри Д. Донателло и А. Джерардини рассмотрели ими-

тации «третьей миссии» в итальянских университетах, реализующейся посредством учреждения в них фирм, бездействующих или дающих плохие результаты. Данная ситуация, по их мнению, отражает несоответствие между целями, декларируемыми руководством, и их фактическим воплощением на уровне академических подразделений. Только 4,3% предприятий, создаваемых в итальянских университетах, эффективны в экономическом плане, 7,6% имеют результаты, соответствующие ожиданиям инновационных фирм, 5% вообще неактивны (т. е., по сути, фиктивны), 45% имеют низкий доход от своей деятельности [13, р. 207]. Итальянские коллеги объясняют «теневые» мотивы превращения сотрудников университетов в «академических квазипредпринимателей». Не имея достаточных навыков, необходимых для предпринимательской и инновационной деятельности, они всё же включаются в создание и функционирование таких предприятий для своего карьерного продвижения, получения дополнительных ресурсов для своих исследований, ухода от бюрократической жёсткости, сглаживания нестабильной занятости в академической сфере. Такие стратегии академических работников представляют собой оппортунистический ответ на сокращение бюджетов университетов. А университетское руководство не хочет и не может заставить их отказаться от «суррогатного предпринимательства», потому что само заинтересовано в подобных имитациях как форме реализации ценностей предпринимательского вуза.

Иной ракурс имитаций в университетском управлении представлен в сравнительном исследовании, охватившем 78 университетов из 33 стран. Среди его авторов – исследователи из Норвегии, США, Китая, России [14]. Опираясь на концепцию «snake-like procession» Д. Рисмена, они рассмотрели стратегии подражания, которые реализуют не очень сильные университеты, ориентирующиеся на университеты «мирового класса». Для поиска легитимности университеты

различных стран стремятся повышать свои международные статусы и репутацию, используя для построения стратегических планов принцип изоморфизма, т.е. уподобления сильным. Исследователи назвали данное явление социальной мимикрией, отмечая, что подобные стратегии в национальном масштабе реализуют и университеты, развивающиеся в бедной ресурсной среде. Имитационность в этой сфере, по их мнению, присуща тем университетам, которые не обладают внутренними ресурсами и внешними возможностями для реализации модели предпринимательского вуза, но вынуждены это делать в силу либо амбиций университетского руководства, либо давления государственной политики.

В связи с обозначенной проблемой необходимо отметить работу российского эксперта Е.А. Трубниковой, посвящённую амбициозному «Проекту 5-100» [15]. Анализ содержания и результатов проекта вскрыл его имитационную природу. Она проявилась прежде всего в манипуляциях с показателями успешного продвижения российских университетов в глобальном образовательном пространстве, когда первоначально заявленные позиции в международных рейтингах QS, ARWU и THE были заменены на позиции в предметных и территориальных рейтингах. Кроме того, очевидна имитационность мотивации университетов к участию в «Проекте 5-100»: сквозь декларируемое стремление к повышению международной конкурентоспособности отчётливо просвечивает желание «освоить бюджетные деньги», «проесть» ресурсы, предназначенные для развития [15, с. 75]. Другие признаки имитационности поведения участников проекта автор замечает в практиках подготовки ими «правильной» отчётности, щедрого финансирования пиар-кампаний, создающих ложную репутацию, конструирования вокруг проекта и его участников не критичного медийного контента. «Игра с системой рейтингов», по мнению автора исследования, включает в себя манипуляции с различными

показателями деятельности университетов; покупку публикаций с зарубежными исследователями; приглашение ведущих мировых учёных, «помогающих» осваивать бюджетные ресурсы; иллюзорную академическую мобильность в виде «научного туризма»; маскировку образовательной неуспешности неподготовленных иностранных студентов; фиктивность конкурсных процедур на выборах управленческих кадров и ППС. В итоге Е.А. Трубникова делает вывод о том, что дизайн самой системы порождает «изъяны», подобные описанным феноменам: «Контролирующие органы довольны, так как это коррелирует с индикаторами отдельных международных рейтингов, хотя в реальности это всего лишь имитация развития международной активности вуза» [15, с. 79].

Британский учёный Дж. Ламби посвятил своё исследование стратегиям маскировки власти в академической среде. По его мнению, такие имитационные стратегии базируются на скрытых, «тонких формах власти» и являются ответной реакцией университетского управления на кризис его легитимности в условиях конфликта «академиков» и «администраторов» [16]. К подобным стратегиям управления Дж. Ламби отнёс стратегии, основанные на риторической коллегальности, создании благоприятного впечатления, формировании внутригрупповой лояльности и дискуссий по поводу решений, механизмов контроля за повесткой дня.

Примерно такие же выводы сделали авторы международного сравнительного исследования «Гендер, лидерство и управление», проведённого в 2018–2019 гг. в Дании, Германии, Италии, Швеции, Болгарии, Турции и Ирландии. Они так же, как и Дж. Ламби, полагают, что менеджмент современных университетов реализует имитационные стратегии, позволяющие им адаптироваться и эффективно функционировать во «враждебной» академической среде [17]. Руководители создают такие структуры и практики, которые формируют иллюзию отсутствия власти. Среди них – риторическая коллег-

альность (консультации с представителями профессорско-преподавательского состава); контроль за повесткой дня (имитация партисипативного управления в принятии «правильных» решений, в том числе в отношении распределения ресурсов); одобрение поиска консенсуса разных субъектов университетской жизни и одновременно формирование такого её контекста, через который руководство целенаправленно создаёт университетские группы и сообщества, лояльные к нему. По сути, управленческие симулякры в этом случае строятся за счёт различных манипулятивных технологий.

Имитационные стратегии и практики научно-педагогического сообщества

Проблема имитаций в деятельности научно-педагогического сообщества получила своё отражение в научных исследованиях только в последние годы. Объяснить данное обстоятельство можно двумя причинами: 1) научно-педагогические работники позже и менее других образовательных общностей подверглись имитационной «коррозии», и 2) морально-этическими ограничениями, поскольку они основаны на саморефлексии учёных и педагогов. Проведённый нами анализ позволяет представить основные линии изучения данной деформации академического сообщества.

Малоисследованной тематикой являются имитации научной активности. Между тем ряд зарубежных учёных придаёт им большое значение. Среди них венгерский автор Я. Тот, исследовавший нелегитимные публикационные стратегии учёных, построенные на использовании возможностей цифровой среды [18]. Определяя такие стратегии как аномальные и имитационные, Я. Тот рассматривает их как способ объективации имитационного культурного капитала. По его мнению, симулятивный культурный капитал обладает тремя свойствами, наличие хотя бы одного из которых позволяет отличить его от обычного культурного капитала: 1) более или менее убедительная имитация

академических навыков и компетенций; 2) принадлежность их другому человеку; 3) демонстрация академической активности в тех сферах, которые не соответствуют критериям академической среды. Венгерский исследователь анализирует практики фармацевтических фирм, которые заставляют своих сотрудников писать статьи с целью продвижения их продукции на рынке и включать в авторский коллектив известных учёных. Культурный и академический капитал последних формирует доверие к фирме и её продукции, однако такие практики имитируют как научную ценность подобных публикаций, так и научную активность авторов этих статей, потому что никакого отношения к науке их «творчество» не имеет. В своём исследовании автор чётко описывает признаки имитационности мошеннической издательской деятельности. К ним он отнёс наличие у подобных изданий международных редакционных советов, редколлегии, слепого рецензирования, организационного взноса.

Причинно-следственные связи между стимуляторами научной активности и научной политикой раскрываются в исследовании турецких учёных Ч. Ондера и С. Эрдил [19]. Рассматривая такой инструмент государственной политики, как финансовое стимулирование публикационной активности университетских исследователей, они показывают возникновение имитационной активности в качестве её незапланированного результата. Ожидание материального вознаграждения за публикации, количество которых выступает показателем их научной эффективности, приводит к росту низкокачественных исследований и статей. Авторы называют такие стратегии оппортунистическими. По их мнению, они возникают вследствие слишком большого давления на учёных, вынуждающего их публиковать больше, чем они реально способны.

Выводы турецких исследователей во многом поддержаны результатами исследований других зарубежных учёных. Среди

них – пакистанские авторы С. Шоаб и Б. Муджтаба, которые на основе изучения кейсов шести университетов назвали подобную политику «тейлористским научным менеджментом», провоцирующим «извращёнными стимулами» «греховное поведение» профессорско-преподавательского состава [20, p. 441].

Свой вклад в развитие этой темы внесли испанские исследователи, осуществившие эксперимент с «вбрасыванием» в известную систему Google Scholar статей вымышленных авторов и манипулированием их цитированием [21]. Исследуя различные цифровые платформы и социальные сети, предназначенные для научной коммуникации (Google Scholar, ResearcherID, ResearchGate, Academia.edu и др.), они идентифицировали их пространство как геймифицированное, способное превратить автономных, самостоятельных исследователей в зависимых [22]. Новые «библиометрические наркотики», по их мнению, формируют альтернативную имитационную реальность, в которой «научная» зависимость проявляется в ожиданиях новых загрузок, подписчиков, цитирований, «лайков», повышения индекса Хирша, опережения конкурентов и др. Результаты исследования испанских авторов соотносятся с современным философским пониманием эпохи позднего модерна и постмодерна как времени маргинального мышления и знания, для которого характерно отношение к миру через «навязывание имитации как глобального процесса создания репрезентаций посредством коммуникации» [23, p. 256].

Наиболее разработанным аспектом «фальшивой» научной активности является гострайтинг – практика заказных научных работ (статей, монографий, диссертаций). Некоторые исследователи относят её к коррупционным явлениям в высшей школе [24–28]. Другие учёные показывают этот феномен в контексте проблемы девальвации ценности науки и высшего образования, снижения доверия к ним [29; 30]. Отдельное направление составляют исследования рын-

ка гострайтинга [1; 31]. Системный подход к изучению гострайтинга реализовала в своём исследовании И.А. Колесникова, затронув и социальные, и научно-образовательные, и экономические, и этические его аспекты. Она показала тенденцию расширения гострайтинга за счёт «омоложения» заказчиков (вплоть до родителей дошкольников). По её мнению, экспансия научно-образовательных имитаций в высшей школе за счёт гострайтинга происходит из-за отсутствия у участников этого процесса ресурсов (знаний, времени), необходимых для выполнения требования повышения академической активности. Рассматривая технологию организации академического гострайтинга и его социально-педагогические последствия, она выявила псевдопозитивные функции: формирование у заказчиков чувства счастья и уверенности в своих достижениях, а у исполнителей – возможность сочетать самореализацию и хороший заработок [1].

Американские авторы А.Дж. Сементелли и Т.М. Гаррет обратили внимание на имитационную природу технологий онлайн-образования, в частности МООС, и связанные с ней образовательные риски [32]. В качестве теоретической рамки они использовали концепции симулякров Ж. Бодрийяра и общества спектакля Г. Дебора, аргументировав наличие в МООС-технологии всех признаков образовательных симулякров. По их мнению, онлайн-курсы позволяют студентам имитировать техническую грамотность, креативность, мотивированность, вовлечённость в учебный процесс. Они также легко используют обман для получения оценок. Упомянутые авторы назвали онлайн-курсы псевдособытиями и сравнили их с современными телевизионными шоу или медицинскими шоу XIX в. Первые имитируют вовлечённость участников в разворачивающийся телеспектакль. Вторые демонстрировали эффекты различных медицинских «фокусов». Университеты, государства и политики, заинтересованные в продвижении МООС, по аналогии пытаются с помощью «историй»

и «фокусов» превратить онлайн-образование в «чудодейственный эликсир» высшего образования XXI в.: «В конце развлечения потребителям напоминают, что они могут заработать кредит курса, заплатив за то, что они видели и что они только что испытали», а далее «вылечить» свою безработицу или образовательные проблемы одним нажатием кнопки» [32, р. 465]. При этом, в соответствии с логикой коньюмеризированного образования, обещают сделать это «лучше, дешевле, быстрее». А.Дж. Сементелли и Т.М. Гаррет делают вывод о том, что МООС функционирует в «паразитическом, циничном, пародийном» симбиозе с университетами. Эта технология, как и большинство паразитов, может ослабить и убить своих хозяев, а значит, способствовать упадку эффективного высшего образования посредством продажи и потребления образования как псевдособытия.

Российский контекст исследований имитационного поведения представителей научно-педагогического сообщества не менее интересен, а подчас – специфичен, поскольку обусловлен особенностями развития отечественной высшей школы. Так, по мнению М.В. Курбатовой и Е.С. Каган, стремление преподавателей российских вузов следовать своим интересам в условиях академического менеджериализма приобретает крайнюю форму оппортунизма – имитации, обмана, которые позволяют им уклоняться от неприемлемых ролей и требований и минимизировать свои усилия по их выполнению [33, с. 121]. Основу оппортунистических стратегий составляют практики «отлынивания», демонстрации «послушания» при формальном подходе к выполнению обязанностей, отписок, попустительства в ситуациях академического мошенничества студентов, замещения содержательной деятельности работой «на показатель». Важным выводом из результатов данного исследования было заключение о тесной связи между сокращением академических свобод в российских университетах и ростом крайних форм имитаци-

онного оппортунизма. Данное исследование показало, что оппортунистические стратегии как имитации обусловлены не только приверженностью преподавателей традиционным академическим ценностям, входящим в конфликт с ценностями академического менеджериализма, – они являются результатом ресурсных дефицитов, прежде всего времени, необходимого для выполнения всё возрастающей нагрузки, или финансовых средств для проведения качественных научных исследований. В то же время часть научно-педагогического сообщества реализует оппортунистические стратегии как ответ на «демонтаж механизмов внутреннего контроля, основанного на академических стандартах» [33, с. 122].

Одна из специфических для России форм имитационного поведения научно-педагогического сообщества стала предметом подробного социологического «расследования» Н.А. Селиверстовой [34]. Речь идёт о симулякрах образовательных практик научно-педагогического сообщества и студенчества, которые оказались тесно переплетены.

Под имитацией образовательных практик Н.А. Селиверстова предложила понимать подмену действий, с одной стороны, преподавателями вузов по передаче студентам комплекса знаний, умений, навыков, социальных ценностей и т.д. формальным воспроизведением процедур, демонстрацией соблюдения установленного хода образовательного процесса, с другой стороны, студентами – по освоению названного комплекса [34, с. 72]. На основе интервью, проведённых с преподавателями и студентами московских вузов, были выявлены различные формы образовательных «подделок»: монологичные лекции; приём экзамена или зачёта по неп прочитанному курсу; «непроверенные задания», которые даются вместо аудиторных занятий; замена лекционного или практического занятия рассказами о жизни; обучение каким-либо навыкам, не имеющим отношения к преподаваемому курсу; проведение семинаров в формате до-

кладов или чтения рефератов; все формы академического мошенничества; имитация проверки знаний и участия работодателей в образовательном процессе. Такое поведение преподавателей и студентов автор исследования рассматривает как некий негласный и в некоторых случаях гласный «сговор» ключевых субъектов высшего образования. Основной же предпосылкой его возникновения она считает рационализацию их поведения при отсутствии достаточных ресурсов (финансовых, материально-технических, кадровых и др.) для достижения целей.

В продолжение анализа практик образовательных «подделок» нам хотелось бы упомянуть несколько исследовательских проектов, посвящённых имитациям образовательной успешности в вузах. Это, прежде всего, работа Е.В. Денисовой-Шмидт и Э.О. Леонтьевой, в которой показаны декларируемые стратегии повышения качества высшего образования и стоящие за ними реальные практики формирования университетской среды, комфортной для «необучаемых» студентов [35]. Кроме того, это новый проект уральских исследователей, в котором многочисленные «фальшивки» в высшем образовании рассматриваются как одна из причин образовательной неуспешности студентов, а имитация образовательной успешности трактуется в контексте аномальных стратегий управленцев, преподавателей и студентов [36]. Связи симулякров с низкими результатами обучения студентов в зарубежных вузах посвящена работа Д. Бранкалеоне и С. О'Брайена [37]. По их мнению, при маркетинга высшего образования теряется его подлинное качество. Результаты обучения превращаются в симулякр, а преподаватели в такой ситуации не способны дать то, что обещают; в лучшем случае это какие-то навыки, но не само образование.

Опыт изучения

имитационных практик студентов

Исследования аномалий в высшем образовании нередко охватывают одновремен-

но несколько образовательных общностей: управленцев, преподавателей и студентов, – тем самым раскрывая их тесную взаимосвязь. Представляя в этом разделе опыт изучения имитационных практик студентов, мы условно идентифицируем эти исследования как проекты, посвящённые студенчеству. На самом деле они раскрывают и то, каким образом причастны или относятся к студенческим имитационным практикам другие вузовские общности.

Обзор исследований по данной проблематике за последние годы показал их магистральную направленность на феномен академического мошенничества. Это касается студентов как зарубежных, так и отечественных вузов. Формы академического мошенничества оказались столь разнообразны, что достаточно изучения только их, чтобы понять природу и причины имитационного поведения студентов.

В отечественной науке наиболее ранним опытом исследования имитационных практик студентов можно считать работы В.В. Радаева и И.С. Чирикова (2006) [38], Е.В. Сивак (2006) [39], Н.В. Латовой и Ю.В. Латова (2007) [40], посвящённые списыванию и плагиату. Н.В. Латова и Ю.В. Латов тогда впервые показали данную проблематику в социально-экономическом контексте, раскрыв связь академического обмана с повседневной теневой экономикой. К характерным чертам этих феноменов были отнесены: массовая вовлечённость рядовых граждан, слабое общественное осуждение (имеющее этически нейтральную оценку) и даже одобрение (как «умение жить») [40, с. 32]. По мнению учёных, образование можно считать «школой», где молодёжь обучается азам теневой экономики. Авторы упомянутого исследования не называли списывание имитацией, но в полной мере раскрыли имитационную сущность данного явления.

Усиленный интерес к изучению академического мошенничества студентов в российской науке проявился с начала 2010-х гг. Необходимо особо выделить

большую группу работ, выполненных со-трудниками, аспирантами и магистрантами Института образования НИУ ВШЭ: Е.Д. Шмелевой, И.С. Чириковым, С.В. Голуновым, Н.Г. Малолоноком, Т.В. Семеновой, Е.А. Терентьевым, И.А. Груздевым, Е.В. Горбуновой, И.Д. Фруминым и др. [41–44]. Рассматривая различные виды академического мошенничества, российские исследователи аргументированно доказали, что у них одна природа – подмена целерациональной деятельности (по М. Веберу) её симулякрами, эрзацами, придуманными копиями, которые должны быть похожи на подлинные собственные результативные практики, и поэтому должны убеждать в справедливости квалификационных притязаний студента. В этом плане фальсифицирующее действие должно напоминать настоящее, правдивое, то есть выступать как его имитация, замещение, формальное сходство.

Канадские авторы П.Д. МакКлауд и С.Э. Итон изучали парадокс отношения преподавателей к академическому мошенничеству студентов [45]. Дизайн этого исследования, охватившего 17 канадских университетов, позволил установить связь между политикой вузов в сфере академической этики, отношением преподавателей к академической (не)честности студентов и распространённостью данной имитационной стратегии в студенческой среде. Был зафиксирован парадокс, который заключался в том, что при стойком негативном отношении к академической нечестности студентов преподаватели университетов тем не менее неохотно обсуждают этот вопрос с коллегами и администрацией факультетов и университетов. Расценивая борьбу с академическим мошенничеством как свою обязанность, они в то же время предпочитают иметь дело со случаями студенческого обмана самостоятельно, без административного вмешательства из-за дефицита времени и опасений отсутствия должной институциональной поддержки их усилий [45, р. 357].

В свете проблемы интернационализации высшего образования интерес представляет вывод канадских исследователей по поводу вовлечённости иностранных студентов в практики академического мошенничества. П.Д. МакКлауд и С.Э. Итон показали, что это происходит по причине плохой адаптированности и плохого знания английского языка иностранными студентами. На наш взгляд, эта проблема актуальна и для российских вузов, активно включившихся в глобальную конкуренцию за иностранных студентов и не учитывающих риск их лингвистической неготовности, а значит, и вовлечённости в практики академических имитаций. Другой вывод из канадского исследования о причинах академической нечестности также значим для российского высшего образования. Он чётко обозначил связь данной имитационной стратегии студентов с их неуспешным школьным опытом. По результатам опроса, недостаточно подготовленные школьники, имеющие низкий уровень базовой грамотности (по оценке исследователей, это примерно пятая часть канадских студентов), больше всего склонны обманывать. Они не знают, как «правильно» учиться в университете, как себя вести, или не заботятся о том, чтобы найти какие-то другие модели поведения.

Тема академического мошенничества в зарубежной науке – одна из самых активно разрабатываемых с середины 1990-х гг.⁷ В последние годы ей посвящены не просто отдельные исследовательские проекты или статьи [46 и др.⁸], но и целые журналы и сбор-

ники (International Journal for Educational Integrity, Journal of Academic Ethics, Ethics & Behavior, Handbook of Academic Integrity и др.). Их редакторов: Т. Бретга (Университет Южной Австралии), С. Итон (Университет Калгари в Канаде), Д. Пофф (Университет Брандона в Канаде) – можно с полным правом назвать идеологами борьбы за академическую честность. Зарубежные авторы не только изучают отдельные проявления академического мошенничества, но и обобщают их исследования за определённый период времени или выявляют специфику данных имитационных стратегий в том или ином национальном контексте⁹.

Исследования отечественных учёных обнаруживают специфические имитационные стратегии российских студентов. Одна из них базируется на парадоксальной образовательной мотивации и может быть названа так: «присутствовать, а не учиться». Именно такое «говорящее» название дал своей статье Ю.М. Плюсин, в которой отразил результаты исследования студентов

tract Cheating and to What Extent are Students Repeat Offenders? *Journal of Academic Ethics*. 2017. Vol. 15. No. 2. P. 115–124.

- ⁹ Eaton S.E., Edino R.I. Strengthening the research agenda of educational integrity in Canada: A review of the research literature and call to action. *International Journal for Educational Integrity*. 2018. Vol. 14. No. 1. Article number 5; Akbar A., Picard M. Academic integrity in the Muslim world: A conceptual map of challenges of culture. *International Journal for Educational Integrity*. 2020. Vol. 16. No. 1. Article number 17; Foltýnek T., Králíková V. Analysis of the contract cheating market in Czechia. *International Journal for Educational Integrity*. 2018. Vol. 14. Article number 4; Anobina-Naumecca A., Tauginiene L., Odineca T. Academic integrity policies of Baltic state-financed universities in online public spaces. *International Journal for Educational Integrity*. 2018. Vol. 14. Article number 8; Santos C.C., dos Santos P.S., Sant'ana M.C. et al. Going Beyond Academic Integrity Might Broaden our Understanding of Plagiarism in Science Education: A Perspective from a Study in Brazil. *Anais da Academia Brasileira de Ciencias*. 2017. Vol. 89. No. 1. P. 757–771.

⁷ Walker J. Student plagiarism in universities: What are we doing about it? *Higher Education Research & Development*. 1998. Vol. 17. No. 1. P. 89–106; McCabe D.L., Trevino L.K. Academic dishonesty – honor codes and other contextual influences. *Journal of Higher Education*. 1993. Vol. 64. No. 5. P. 522–538.

⁸ Rogerson A.M. Detecting contract cheating in essay and report submissions: process, patterns, clues and conversations. *International Journal for Educational Integrity*. 2017. Vol. 13. Article number 10; Curtis G.J., Clare J. How Prevalent is Con-

вузов Приволжского федерального округа [47]. Автор одним из первых раскрыл связь между низкими результатами обучения студентов-«троечников», дальнейшей их неконкурентоспособностью на рынке труда и их имитационными установками. По его мнению, данная группа студентов, характеризующаяся низким уровнем образовательной, профессиональной и карьерной мотивации, имитирует свою образовательную деятельность, просто «присутствуя» в вузе и стремясь только к одному – приобретению диплома как символа высшего образования.

Далее проблема парадоксальной мотивации нашла своё отражение в исследовании Е.Н. Заборовой, И.Г. Глазковой, Т.А. Марковой, посвящённом мотивационным установкам на выбор дистанционного обучения, в том числе установке на лёгкое получение «корочек» [48]. В исследованиях Н.Г. Малошенок, Т.В. Семеновской и Е.А. Терентьева [49; 50] имитационное поведение (склонность к имитации учебного усердия, академическому обману, избирательному выполнению учебных заданий и пр.) связывается с целевыми ориентациями студентов на результат (внешнее признание учебных компетенций, высокие оценки и пр.) или амотивацией. По мнению авторов, в российских вузах можно выделить тип студентов, которые ориентированы больше на выполнение требований преподавателей, чем на само обучение. Приспосабливаясь к этим требованиям, «они не проявляют на экзаменах и в проверочных заданиях свою реальную компетентность, а имитируют её высокий уровень» [49, с. 101]. Согласно результатам исследования, подобное поведение свидетельствует о феномене образовательного отчуждения.

Заключение

Предпринятый обзор российских и зарубежных исследований имитаций в высшем образовании позволяет нам сделать несколько заключений, значимых для понимания изучаемого феномена. Прежде всего, отметим, что рост числа подобных исследовательских

проектов есть отражение увеличения масштаба и «видимости» симулякров в высшей школе – как в зарубежной, так и отечественной. За тридцать лет произошёл переход от единичных исследований (в 1990-х гг.) к формированию целых направлений, имеющих комплексный, мониторинговый характер (в конце 2010-х гг.). В теоретическом бэкграунде исследовательских проектов мы не всегда находим теорию симулякров, разработку которой связывают с именем Ж. Бодрийяра. Однако и результаты этих исследований, и их интерпретация с очевидностью говорят о том, что они рано или поздно станут предпосылками формирования одной из междисциплинарных теорий – теории имитаций в высшем образовании.

Можно также констатировать, что идея о распространённости академических «фальшивок» преимущественно среди студенческой молодёжи не имеет под собой существенных оснований. Имитации как системное явление присущи всем учреждениям высшей школы и всем её образовательным общностям – как студенческой, так и управленческой и научно-педагогической. По-видимому, нет смысла искать ответ на вопрос, кто из них раньше и больше имитирует. Исследования отчётливо показывают взаимную обусловленность имитационного поведения всех субъектов высшей школы. В то же время они дают ответ на вопрос, почему и зачем каждый из них это делает. Для одних это – целедостижительная стратегия, для других – способ адаптации в условиях дефицита ресурсов, для третьих – побочный эффект основной деятельности, для четвёртых – морально-нравственный выбор и т.д. Мы надеемся, что продолжение исследований имитаций в высшем образовании даст возможность получить исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Обзор исследовательских работ показал, что для понимания имитаций в высшей школе зарубежные и российские авторы продуктивно применяют различные теоретические рамки и инструменты эмпирического ис-

следования, стремясь к преодолению «сопротивления» университетской среды такой неприятной саморефлексии. У исследователей, наряду с алармистскими выводами, присутствует также уверенность, что подобная «хирургия», хоть и делает больно, но в то же время может способствовать «излечению» высшего образования, т.е. его выходу из современного системного, институционального, ценностного кризиса.

Литература

1. Колесникова И.А. Академический гострайтинг – рынок имитации научно-образовательной активности // Непрерывное образование: XXI век. 2017. Вып. 2 (18). С. 1–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2017.3509>
2. Левин В.И. Плагиат, его сущность и борьба с ним // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 1 (219). С. 143–150.
3. Бабинцев В.П., Серкина Я.И. Имитации в системе высшего образования России // Инноватика и экспертиза. 2019. Вып. 2 (27). С. 21–27. DOI: 10.35264/1996-2274-2019-2-21-27
4. Шалюгина Т.А. Имитация в обществе как предмет социально-философского анализа // Теория и практика общественного развития. 2011. Вып. 8. С. 33–35.
5. Babintsev V.P., Sapryka V.A. et al. (2016). Reform of Higher Education in Russia: Habitus Conflict // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. No. 3. P. 284–294. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.284
6. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–82.
7. Трубникова Е.И. «Красные ленты» в сфере науки и образования // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 1. С. 108–121.
8. Jemielniak D., Greenwood D.J. Wake Up or Perish: Neo-Liberalism, the Social Sciences, and Salvaging the Public University // Cultural studies – Critical Methodologies. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 72–82. DOI: 10.1177/1532708613516430
9. Вольчик В.В., Филоненко Ю.В., Аверкиева Е.С., Ширяев И.М. Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2016. Vol. 7. № 4. С. 57–71. DOI: 10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071
10. Contreras A.P. Everyday university politics in the Philippines: a tale of two universities // Philippine Political Science Journal. 2013. Vol. 34. No. 2. P. 170–187. DOI: 10.1080/01154451.2013.851490
11. Hall H. The marketisation of higher education: symptoms, controversies, trends // *Economia i Prawo. Economics and Law*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 33–42. DOI: 10.12775/EiP.2018.003
12. Serkina Ya., Loginova A. Administrative management of universities: background and consequences // *Amazonia Investiga*. 2019. Vol. 8. No. 22. P. 673–683. URL: <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/818> (дата обращения: 15.04.2021).
13. Donatiello D., Gherardini A. All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy // *Higher Education Policy*. 2019. Vol. 32. No. 2. P. 203–226. DOI: 10.1057/s41307-017-0079-z
14. Stensaker B., Lee J.J., Rhoades, G., Ghosh, S. et al. Stratified University Strategies: The Shaping of Institutional Legitimacy in a Global Perspective // *Journal of Higher Education*. 2019. Vol. 90. No. 4. P. 539–562. DOI: 10.1080/00221546.2018.1513306
15. Трубникова Е.И. Проект 5-100: взгляд через призму теории институциональной коррупции // *Мир России*. 2020. Т. 29. № 2. С. 72–91. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91
16. Lumby J. Leadership and power in higher education // *Studies in Higher Education*. 2019. Vol. 44. No. 9. P. 1619–1629. DOI: 10.1080/03075079.2018.1458221
17. O'Connor P., Martin P.Y., Carvalbo, N. et al. Leadership practices by senior position holders in Higher Educational Research Institutes: Stealth power in action? // *Leadership*. 2019. Vol. 15. No. 6. P. 722–743. DOI: 10.1177/1742715019853200
18. Toth J. Simulacreative Signification and Simulacreative Scenes – Analysis of a Deviant Publication Practice // *Informacios Tarsadalom*. 2014. Vol. 14. No. 2. P. 24–44.
19. Onder C., Erdil S.E. Opportunities and opportunism: Publication outlet selection under pressure to increase research productivity // *Research Evaluation*. 2017. Vol. 26. No. 2. P. 66–77. DOI: 10.1093/reseval/rvx006

20. *Shoaib S., Mujtaba B.G.* Perverse Incentives and Peccable Behavior in Professionals – A Qualitative Study of the Faculty // *Public Organization Review*. 2018. Vol. 18. P. 441–459. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11115-017-0386-2>
21. *Lopez-Cozar E.D., Robinson-Garcia N., Torres-Salinas, D.* The Google Scholar Experiment: How to Index False Papers and Manipulate Bibliometric Indicators // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 65. No. 3. P. 446–454. DOI: 10.1002/asi.23056
22. *Orduna-Malea E., Martin-Martin A., Lopez-Cozar E.D.* Metrics in academic profiles: a new addictive game for researchers? // *Revista Española de Salud Pública*. 2016. Vol. 90. Article number e1-5.
23. *Stanciu R., David A.-E.* Marginal Thinking Knowledge and Communication in the Postmodern Era // *Postmodern Openings*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 256–266. DOI: 10.18662/по/11.2/173
24. *Denisova-Schmidt E., Leontyeva E.* The Unified State Exam in Russia // *Corruption in higher education: global challenges and responses*. Leiden: Brill/Sense, 2020. P. 162–166. DOI: 10.1163/9789004433885
25. *Chapman D.W., Lindner S.* Degrees of integrity: The threat of corruption in higher education // *Studies in Higher Education*. 2016. Vol. 41. No. 2. P. 247–268. DOI: 10.1080/03075079.2014.927854
26. *Балацкий Е.В.* Формирование «диссертационной ловушки» // *Экономика образования*. 2008. № 4. С. 149–160.
27. *Калимулин Т.Р.* Российский рынок диссертационных услуг // *Экономическая социология*. 2005. № 4–5. С. 14–37.
28. *Osipian A.* Economics of corruption in doctoral education: the dissertations market // *Economics of Education Review*. 2012. Vol. 31. No. 1. P. 76–83. DOI: 10.1016/j.econedurev.2011.08.011
29. *White J.L.* Shadow Scholars and the Rise of the Dissertation Service Industry: Can We Maintain Academic Integrity? // *Journal of Research Practice*. 2016. Vol. 12. No. 1. Article number VI. URL: <http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/536/448> (дата обращения: 15.04.2021).
30. *Oravec J.A.* Academic metrics and the community engagement of tertiary education institutions: emerging issues in gaming, manipulation, and trust // *Tertiary Education and Management*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 5–17. DOI: 10.1007/s11233-019-09026-z
31. *Matheson A.* Ghostwriting: the importance of definition and its place in contemporary drug marketing // *British Medical Journal*. 2016. Vol. 354. Article number i4578. DOI: 10.1136/bmj.i4578
32. *Sementelli A.J., Garrett T.M.* MOOCs: meaningful learning tools for public administration education or academic simulacra? // *Education and Training*. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 461–470. DOI: 10.1108/ET-03-2014-0031
33. *Курбатова М.В., Казан Е.С.* Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // *Журнал институциональных исследований*. 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136
34. *Селиверстова Н.А.* Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // *Социологические исследования*. 2020. № 3. С. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5
35. *Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О.* Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // *Социологические исследования*. 2015. № 9. С. 86–93. URL: http://sosis.isras.ru/files/File/2015/2015_9/86_93_Denisova.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
36. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Риски образовательной неуспешности учащейся молодежи // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26. № 2. С. 60–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7265>
37. *Vrancaleone D., O'Brien S.* Educational commodification and the (economic) sign value of learning outcomes // *British Journal of Sociology of Education*. 2011. Vol. 32. No. 2. P. 501–519. DOI: 10.1080/01425692.2011.578435
38. *Радаев В.В., Чириков И.С.* Отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание // *Университетское управление: практика и анализ*. 2006. № 4 (44). С. 77–82.
39. *Сивак Е.В.* Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания). Препринт WP10/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 44 с.
40. *Латова Н.В., Латов Ю.В.* Обман в учебном процессе (опыт шаргалкологии) // *Общественные науки и современность*. 2007. № 1. С. 31–46.
41. *Герентьев Е.А., Груздев И.А., Горбунова Е.В.* Суд идёт: дискурс преподавателей об отсевах студентов // *Вопросы образования*.

2015. № 2. С. 129–151. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-2-129-151
42. *Chirikov I., Shmeleva E., Loyalka P.* The role of faculty in reducing academic dishonesty among engineering students // *Studies in Higher Education*. 2020. Vol. 45. No. 12. P. 2464–2480. DOI: 10.1080/03075079.2019.1616169
43. *Шмелева Е.А., Семенова Т.В.* Академическое мошенничество vs образовательная среда // *Вопросы образования*. 2019. № 3. С. 101–129. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129
44. *Малошонок Н.Г.* Как восприятие академической честности среды университета взаимосвязано со студенческой вовлечённостью: возможности концептуализации и эмпирического изучения // *Вопросы образования*. 2016. № 1. С. 35–60. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-35-60
45. *MacLeod P.D., Eaton S.E.* The Paradox of Faculty Attitudes toward Student Violations of Academic Integrity // *Journal of Academic Ethics*. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 347–362. DOI: 10.1007/s10805-020-09363-4
46. *Bretag T., Harper R., Burton M. et al.* Contract cheating: a survey of Australian university students // *Studies in Higher Education*. 2019. Vol. 44. No. 11. P. 1837–1856. DOI: 10.1080/03075079.2018.1462788
47. *Плюснин Ю.М.* Присутствовать, а не учиться. Троечники и отличники в наших университетах // *Вопросы образования*. 2007. № 2. С. 277–292.
48. *Заборова Е.Н., Глазкова И.Г., Маркова Т.А.* Дистанционное обучение: мнение студентов // *Социологические исследования*. 2017. № 2. С. 131–139.
49. *Малошонок Н.Г., Семенова Т.В., Терентьев Е.А.* Учебная мотивация студентов российских вузов: возможности теоретического осмысления // *Вопросы образования*. 2015. № 3. С. 92–121. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-3-92-121
50. *Семенова Т.В.* Влияние учебной мотивации на успеваемость студентов: роль учебной активности // *Высшее образование в России*. 2016. № 7. С. 25–37.
- Благодарности.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50166.
- Авторы выражают признательность главному редактору журнала М.Б. Сапунову за ценные замечания, сделанные им в процессе подготовки настоящей статьи к публикации.
- Статья поступила в редакцию 05.02.21*
После доработки 20.02.21
Принята к публикации 15.03.21

References

- Kolesnikova, I.A. (2017). Academic Ghostwriting – the Market of Scientific and Educational Activity Imitation. *Neprevirnoe obrazovaniye: XXI vek = Lifelong Education: XXI century*. Vol. 2, no. 18, pp. 1-22, doi: <http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2017.3509> (In Russ., abstract in Eng.).
- Levin, V.I. (2018). Plagiarism, Its Essence and Measures to Prevent and Handle It. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 1, pp. 143-150 (In Russ., abstract in Eng.).
- Babintsev, V.P., Serkina, Ya.I. (2019). Simulation in Higher Education of Russia. *Innovatika i ekspertiza = Innovation and expertise*. Vol. 2, no. 27, pp. 21–27, doi: 10.35264/1996-2274-2019-2-21-27 (In Russ., abstract in Eng.).
- Shalyugina, T.A. (2011). Imitation in Society as a Subject of Social and Philosophical Analysis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. Vol. 8, pp. 33-35. (In Russ., abstract in Eng.).
- Babintsev, V.P., Sapryka, V.A. et al. (2016). Reform of Higher Education in Russia: Habitus Conflict. *European Journal of Contemporary Education*. Vol. 17, no. 3, pp. 284-294, doi: 10.13187/ejced.2016.17.284
- Krasinskaya, L.F. (2016). Modernization, Optimization, Bureaucratization... What Awaits Higher School Tomorrow? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 3 (199), pp. 73-82 (In Russ., abstract in Eng.).

7. Trubnikova, E.I. (2018). «Red Tape» in the Sphere of Science and Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 1, pp. 108-121 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Jemielniak, D., Greenwood, D.J. (2015). Wake Up or Perish: Neo-Liberalism, the Social Sciences, and Salvaging the Public University. *Cultural Studies – Critical Methodologies*. Vol. 15, no. 1, pp. 72-82, doi: 10.1177/1532708613516430
9. Volchik, V.V., Filonenko, Yu.V., Averkieva, E.S., Shiriaev, I.M. (2016). Bureaucratization and Adaptive Behavior in the Higher Education. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 7, no. 4, pp. 57-71, doi: 10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071 (In Russ., abstract in Eng.).
10. Contreras, A.P. (2013). Everyday University Politics in the Philippines: A Tale of Two Universities. *Philippine Political Science Journal*. Vol. 34, no. 2, pp. 170-187, doi: 10.1080/01154451.2013.851490
11. Hall, H. (2018). The Marketisation of Higher Education: Symptoms, Controversies, Tends. *Ekonomia i Prawo. Economics and Law*. Vol. 17, no. 1, pp. 33-42, doi: 10.12775/EiP.2018.003
12. Serkina, Ya., Loginova, A. (2019). Administrative Management of Universities: Background and Consequences. *Amazonia Investiga*. Vol. 8, no. 22, pp. 673-683. Available at: <https://amazonia-investiga.info/index.php/amazonia/article/view/818> (accessed 15.04.2021).
13. Donatiello, D., Gherardini, A. (2019). All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy. *Higher Education Policy*. Vol. 32, no. 2, pp. 203-226, doi: 10.1057/s41307-017-0079-z
14. Stensaker, B., Lee, J.J., Rhoades, G., Ghosh, S. et al. (2019). Stratified University Strategies: The Shaping of Institutional Legitimacy in a Global Perspective. *Journal of Higher Education*. Vol. 90, no. 4, pp. 539-562, doi: 10.1080/00221546.2018.1513306
15. Trubnikova, E.I. (2020). Project 5-100: A View through the Prism of the Theory of Institutional Corruption. *Mir Rossii = Universe of Russia*. Vol. 29, no. 2, pp. 72-91, doi: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91 (In Russ., abstract in Eng.).
16. Lumby, J. (2019). Leadership and Power in Higher Education. *Studies in Higher Education*. Vol. 44, no. 9, pp. 1619-1629, doi: 10.1080/03075079.2018.1458221
17. O'Connor, P., Martin, P.Y., Carvalho, N. et al. (2019). Leadership Practices by Senior Position Holders in Higher Educational Research Institutes: Stealth Power in Action? *Leadership*. Vol. 15, no. 6, pp. 722-743, doi: 10.1177/1742715019853200
18. Toth, J. (2014). Simulacrative Signification and Simulacrative Scenes – Analysis of a Deviant Publication Practice. *Informacios Tarsadalom*. Vol. 14, no. 2, pp. 24-44.
19. Onder, C., Erdil, S.E. (2017). Opportunities and Opportunism: Publication Outlet Selection under Pressure to Increase Research Productivity. *Research Evaluation*. Vol. 26, no. 2, pp. 66-77, doi: 10.1093/reseval/rvx006
20. Shoaib, S., Mujtaba, B.G. (2018). Perverse Incentives and Peccable Behavior in Professionals – A Qualitative Study of the Faculty. *Public Organization Review*. Vol. 18, pp. 441-459, doi: <https://doi.org/10.1007/s11115-017-0386-2>
21. Lopez-Cozar, E.D., Robinson-Garcia, N., Torres-Salinas, D. (2014). The Google Scholar Experiment: How to Index False Papers and Manipulate Bibliometric Indicators. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 65, no. 3, pp. 446-454, doi: 10.1002/asi.23056
22. Orduna-Malea, E., Martin-Martin, A., Lopez-Cozar, E.D. (2016). Metrics in Academic Profiles: A New Addictive Game for Researchers? *Revista Española de Salud Pública*. Vol. 90, Article number e1-5.
23. Stanciu, R., David, A.-E. (2020). Marginal Thinking Knowledge and Communication in the Post-modern Era. *Postmodern Openings*. Vol. 11, no. 2, pp. 256-266, doi: 10.18662/po/11.2/173

24. Denisova-Schmidt, E., Leontyeva, E. (2020). The Unified State Exam in Russia. In: *Corruption in Higher Education: Global Challenges and Responses*. Leiden : Brill/Sense, pp. 162-166, doi: 10.1163/9789004433885
25. Chapman, D.W., Lindner, S. (2016). Degrees of Integrity: The Threat of Corruption in Higher Education. *Studies in Higher Education*. Vol. 41, no. 2, pp. 247-268, doi: 10.1080/03075079.2014.927854
26. Balatsky, E.V. (2008). Formation of the «Dissertation Trap». *Ekonomika Obrazovaniya = Economics of Education*. No. 4, pp. 149-160 (In Russ., abstract in Eng.).
27. Kalimulin, T.R. (2005). The Russian Market of Dissertation Services. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya = Economic Sociology*. No. 4-5, pp. 14-37 (In Russ., abstract in Eng.).
28. Osipian, A. (2012). Economics of Corruption in Doctoral Education: The Dissertations Market. *Economics of Education Review*. Vol. 31, no. 1, pp. 76-83, doi: 10.1016/j.econedurev.2011.08.011
29. White, J.L. (2016). Shadow Scholars and the Rise of the Dissertation Service Industry: Can We Maintain Academic Integrity? *Journal of Research Practice*. Vol. 12, no. 1, Article number VI. Available at: <http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/536/448> (accessed 15.04.2021).
30. Oravec, J.A. (2020). Academic Metrics and the Community Engagement of Tertiary Education Institutions: Emerging Issues in Gaming, Manipulation, and Trust. *Tertiary Education and Management*. Vol. 26, no. 1, pp. 5-17, doi: 10.1007/s11233-019-09026-z
31. Matheson, A. (2016). Ghostwriting: The Importance of Definition and Its Place in Contemporary Drug Marketing. *British Medical Journal*. Vol. 354, Article number i4578, doi: 10.1136/bmj.i4578
32. Sementelli, A.J., Garrett, T.M. (2015). MOOCs: Meaningful Learning Tools for Public Administration Education or Academic Simulacra? *Education and Training*. Vol. 57, no. 4, pp. 461-470, doi: 10.1108/ET-03-2014-0031
33. Kurbatova, M.V., Kagan, E.S. (2016). Opportunism of University Lecturers as a Way to Adapt the External Control Activities Strengthening. *Zhurnal Institucional'nykh Issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. Vol. 8, no. 3, pp. 116-136, doi: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136 (In Russ., abstract in Eng.).
34. Seliverstova, N.A. (2020). Simulation of Educational Practices in the System of Higher Education. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. Vol. 3, pp. 71-77, doi: 10.31857/S013216250008802-5 (In Russ., abstract in Eng.).
35. Denisova-Schmidt, E.V., Leontieva, E.O. (2015). The Category of «Uneducated» Students as a Social Phenomenon of Universities (on the Example of Far Eastern Universities). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 9, pp. 86-93. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_9/86_93_Denisova.pdf (accessed 15.04.2021). (In Russ., abstract in Eng.).
36. Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. (2020). Risks of Educational Failure for Studying Youth. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. Vol. 26, no. 2, pp. 60-81, doi: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7265> (In Russ., abstract in Eng.).
37. Brancalone, D., O'Brien, S. (2011). Educational Commodification and the (Economic) Sign Value of Learning Outcomes. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 32, no. 2, pp. 501-519, doi: 10.1080/01425692.2011.578435
38. Radaev, V.V., Chirikov, I.S. (2006). The Attitude of Students and Teachers to Punishments for Plagiarism and Cheating. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 4 (44), pp. 77-82 (In Russ., abstract in Eng.).
39. Sivak, E.V. (2006). *Crime in the Audience. Determinants of Dishonest Behavior of Students (Plagiarism and Cheating)*. Preprint WP10/2006/06. Moscow : Higher School of Economics Publ., 44 p. (In Russ.).

40. Latova, N.V., Latov, Yu.V. (2007). Deception in the Educational Process (Experience of «Cheat Sheet Studying»). *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. No. 1, pp. 31-46 (In Russ., abstract in Eng.).
41. Terentyev, E.A., Gruzdev, I.A., Gorbunova, E.V. (2015). The Trial Goes on: The Discourse of Teachers about the Dropout of Students. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 2, pp. 129-151, doi: 10.17323/1814-9545-2015-2-129-151 (In Russ., abstract in Eng.).
42. Chirikov, I., Shmeleva, E., Loyalka, P. (2020). The Role of Faculty in Reducing Academic Dishonesty among Engineering Students. *Studies in Higher Education*. Vol. 45, no. 12, pp. 2464-2480, doi: 10.1080/03075079.2019.1616169
43. Shmeleva, E., Semenova, T. (2019). Academic Dishonesty among College Students: Academic Motivation vs Contextual Factors. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. Vol. 3, pp. 101-129, doi: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129 (In Russ., abstract in Eng.).
44. Maloshonok, N.G. (2016). How the Perception of Academic Integrity of the University Environment is Interrelated with Student Involvement: The Possibilities of Conceptualization and Empirical Study. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. Vol. 1, pp. 35-60, doi: 10.17323/1814-9545-2016-1-35-60 (In Russ., abstract in Eng.).
45. MacLeod, P.D., Eaton, S.E. (2020). The Paradox of Faculty Attitudes toward Student Violations of Academic Integrity. *Journal of Academic Ethics*. Vol. 18, no. 4, pp. 347-362, doi: 10.1007/s10805-020-09363-4
46. Bretag, T., Harper, R., Burton, M. et al. (2019). Contract Cheating: A Survey of Australian University Students. *Studies in Higher Education*. Vol. 44, no. 11, pp. 1837-1856, doi: 10.1080/03075079.2018.1462788
47. Plyusnin, Yu.M. (2007). Attend, Not Learn. C-Students and Excellent Students in Our Universities. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. Vol. 2, pp. 277-292 (In Russ., abstract in Eng.).
48. Zaborova, E.N., Glazkova, I.G., Markova, T.L. (2017). Distance Learning: Students' Opinion. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. Vol. 2, pp. 131-139 (In Russ., abstract in Eng.).
49. Maloshonok, N.G., Semenova, T.V., Terentyev, E.A. (2015). Educational Motivation of Students of Russian Universities: Possibilities of Theoretical Understanding. *Voprosy Obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. Vol. 3, pp. 92-121, doi: 10.17323/1814-9545-2015-3-92-121 (In Russ., abstract in Eng.).
50. Semenova, T.V. (2016). Influence of Educational Motivation on Students' Academic Performance: The Role of Educational Activity. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 7, pp. 25-37 (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50166.

The authors express their sincere gratitude to M.B. Sapunov, the Chief Editor, for his valuable comments on the previous version of the manuscript.

*The paper was submitted 05.02.21
Received after reworking 20.02.21
Accepted for publication 15.03.21*